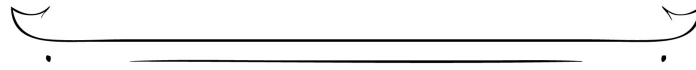


Р. Г. Назиров

# Человек без особых примет



Дверь вокзального буфета распахнулась, все головы повернулись к чёрному прямоугольнику, дохнувшему морозом внутрь нагретого помещения. Вошёл приезжий среднего роста с небольшим чемоданом в руке.

— Добрый вечер, — сказал он, подходя к буфетной стойке.

— Чего уж там, добрая ночь на дворе, — кокетливо ответила буфетчица.

— Ночь так ночь. Одолжи стакан, сестрёнка ...

— Стаканов не одалживаем. Возьмите бутылку нарзану.

— Нарзан у меня свой, — серьёзно ответил приезжий. Он взял стакан, достал из кармана четвертинку водки, одним ударом распечатал её и налил стакан до краёв. Стоя под уведомлением, что распитие принесённых с собой спиртных напитков строго воспрещается, неизвестный подмигнул буфетчице, и его крупная рука с расплывшейся старой татуировкой, изображавшей штурвальное колесо, бережно подняла холодные двести грамм.

— За твоё здоровье, симпатичная! — провозгласил он и мгновенным движением опрокинул жидкость прямо в горло.

Выражение его лица не изменилось, он только резко выдохнул из лёгких воздух, и глаза его сузились.

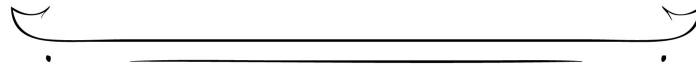
— Флотской, что ли? — спросил любопытный старичок, разглядывая татуировку на руке незнакомца.

Пришелец бросил на старика мимолётный взгляд, хмуро застегнул крючки полушубка, нахлобучил шапку и поднял воротник. Настроение его менялось к худшему. Он взял с пола чемоданчик и вышел, не попрощавшись и не взяв четвертинку с остатками водки.

Над ним сияло бездонное звёздное небо, кругом светили огни небольшого вокзала. Снег пронзительно скрипел под ногами человека с чемоданчиком.

Он дошёл до конца перрона и в темноте под каким-то забором открыл свой чемодан, чтобы разобрать его содержимое. Рубашку и кальсоны он оставил в чемодане; достав флакон одеколона, он отвинтил крышку, понюхал и вылил полфлакона на волосы. Пачку безопасных лезвий он переложил из чемоданчика в карман. «Так — есть — бабки!» — тихо прошептал он про себя и положил деньги в тот же карман. Вдруг он издал радостное восклицание вполголоса и тотчас натянул на руки пару новеньких кожаных перчаток.

Закрыв чемодан и выйдя на свет, он гуляющей походкой прошёлся по пустынному перрону, вошёл в мужскую уборную и ударом сапога протолкнул чемоданчик в отверстие. На перроне стояла тишина. Люди, загнанные морозом, не выходили из зала ожидания. Человек в новых кожаных перчатках встретил милиционера и заметил его пристальный взгляд. Он не обратил на это внимания, по крайней мере, внешне. Подошёл к одной из служебных дверей вокзала. Коридор был освещен тусклой и унылой лампочкой. Человек тихо постучался в дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещён». Казалось, он знал всё на этом вокзале.



— Простите, — сказал он, приоткрывая дверь.

— Да? — вопросительно скачана дежурная, делая полоборота.

— Скажите пожалуйста, когда у вас остановится товарный поезд?

— Следующий состав я пропускаю на проход, а потом будем делать скрещение, в ноль пять Москвы.

— Спасибо.

Человек выходит. Нет смысла ждать пассажирского: он будет только в час тридцать по железнодорожному времени.

Под одним из фонарей вокзала снова появляется милиционер. Что за чертовщина! Неужели дали телеграмму? Хотя ничто ему не грозит: он в перчатках, у него нет никаких особых примет.

Гудок, нарастающий шум — и через станцию с грохотом проносится товарный состав. Ещё сорок минут ожидания. Время тянется медленно. В ноль ноль вдали появляется огонёк второго поезда. Раздался гудок, снова шум, и товарняк останавливается на станции.

... Только тогда, когда поезд тронулся, человек без примет вскочил на тормозную площадку и сел на откидной табурет, теперь можно было и задремать.

Но вскоре мороз стал невыносимым, алкоголь, вызвавший прилив крови к коже, начал оказывать своё предательское действие: сказывалась бесполезная трата тепла, расточительно отданного организмом. Человек без примет замерзал. Он уже устал стучать ногами, вставать, садиться и снова вставать. Пытаясь закурить, он не мог отделить негнуцимыми пальцами одну спичку. Ему хотелось в тепло, в избу, хоть в хлев. Он спрятал лицо в воротник. В душу его закралась слабость. Проклятая жизнь! Мороз градусов сорок. Так и подохнешь, и снимут с тормоза чурбан с согнутыми коленями... А состав летел и летел, ему дали зелёную улицу, и он мчался по белой равнине со своим важным грузом и ненужным, жалким пассажиром!

Но на одной из станций поезд на время замедлил ход. Раздумывать нечего, надо прыгать.

Когда огни поезда исчезли, человек без примет пересёк пути, направляясь к вокзалу. Несколько Мужчин курили на перроне из их разговора приезжий выяснил, что задержка произошла по вине дежурного, опоздавшего к поезду с жезлом.

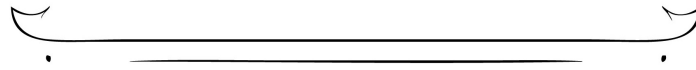
В зале ожидания люди спят и разговаривают среди узлов, мешков и чемоданов. Плачет ребёнок, солидный мужчина с портфелем читает газету «Гудок», висящую на стене под стеклом.

Найдя свободный уголок, пришелец садится на пол и, сдвинув шапку на лицо, засыпает блаженным сном усталого человека...

Он проснулся от шума и движения. Люди теснились к дверям, звали друг друга: это пришёл пассажирский. Человек закрыл глаза и прислушался к разговору двух людей, видимо, сошедших с поезда:

— Так не пойдешь, Николай Иванович?

— Нет, Егор, не пойду и тебе не советую. Переночуем у моего зятя и утречком пойдем. А то до Александровки пятнадцать верст — куды к чорту!



— Как хочишь, Николай Иваныч, я один пойду. Ночь светлая, чек мне выписан, банк откроют в девять часов утра, а после обеда денег не выдают, мне ждать не резон...

Человек без примет замычал, облизнул губы, протёр глаза и поднял лапку со лба на макушку. Дородный старик и тридцатилетний мужчина, в овчинном тулупе и армейских защитных галифе, мельком взглянули на «проснувшегося» и продолжили разговор.

Он встал, выпел из вокзала и обратился к первому попавшемуся:

— Эй, друг, ты не в Александровку идёшь?

— Нет, я в Марьино.

— Папаша, в Александровку, что ли?

— Нет, сынок.

— Кто пойдёт в Александровку?

— Я пойду, — говорит широкоплечий здоровяк с пышными усами. Только погоди малость, занесу мешок знакомому на станции.

— Нет, ждать мне некогда.

— Вы, что ль, в район попутчика ищите? Это тридцатилетний парень в овчинном тулупе, в галифе защитного цвета и кирзовых сапогах.

Спустя полчаса они уже дружно шагают по зимней дороге, залитой лунным сиянием, мороз, оказывается, не так уже силён. Неторопливо завязывается разговор, зарождается короткая дорожная дружба.

Парень в тулупе и галифе — завхоз из дальней школы этого района. Едет в районный центр — так, по всяким делам.

Человек без примет назвался шофёром. В Александровку идёт проведать брата. Да, он сейчас в отпуску, в этих местах он не бывал. От Александровки в другую сторону есть дорога или нет?

Завхоз объясняет, что через Александровку проходит большой тракт — на автобусе до города два-три часа езды. Что? Нет, завхозом он работает недавно, в Александровку едет только второй раз.

— Ну, в Александровке мы с тобой гульнём, Егор! — говорит ласково человек без примет. — Приходи к моему брату, там все знают Сидорова из лесхоза.

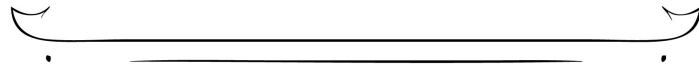
— Видно будет, Миша,— отвечает завхоз, растирая ладонями уши. Двое мужчин, шагая среди молчаливых перелесков и редких спящих деревень, рассказывают друг другу о своей службе в армии, о занимательных случаях из своей жизни. Поднявшись на холм, они видят впереди огни Александровки.

«Шофёр Миша Сидоров» снимает перчатки, достаёт папиросы, закуривает. Бросив спичку, он нагоняет попутчика, весело продолжая разговор и одновременно надевая на руку кастет.

Точный удар обрушивается на затылок завхоза.

... Егор упал лицом в снег. Человек без особых примет наклонился, перевернул завхоза, расстегнул тулуп. В левом нагрудном кармане завхоза он сразу нащупал документы.

Он сел на снег, достал фонарик. Удостоверение личности на имя Егора Петровича Коротаяева — без фотографии. Чек на 4.220 рублей 35 копеек! Вот что называется



пофартило! Железнодорожный билет, фотография женщины — к чорту! Он встаёт. Надо торопиться. А с этим как? Ладно, до утра околеет, только оттащить его от дороги.

Вот так! А теперь — в путь. И человек без примет ушёл, ни разу не оглянувшись на своего недавнего попутчика.

Холодное, звёздное небо — белая равнина — и одинокая фигура, стремительно скользящая по лунной дороге. С каждым шагом всё более отдалялась та вершина холма, где в нескольких метрах от дороги ещё дышало тяжёлое, бесчувственное тело с кровавой раной на затылке.

Час без малого — и человек в чёрных перчатках вошёл в райцентр. Около двух часов он бродит по улицам, стараясь согреться.

В восемь часов открывается чайная. Человек без примет покупает бутерброд и, морщась от отвращения, выпивает стакан красного вина: водки в чайной не продают.

Выйдя на улицу, он спрашивает у милиционера:

— Товарищ сержант, где тут у вас банк?

— Прямо, первый переулок налево, каменный дом, — услужливо объясняет молодой темноглазый сержант.

Вот и каменный дом с круглым крыльцом. На двери белеет надпись: «Вход со двора». У чёрного хода уже ждут двое мужчин, разговаривая о председателях колхозов и знакомых бухгалтерях. «Завхоз Коротаяев» угощает их папиросами и слушает, стараясь не проронить ни слова.

— Да, Пал Палыч! — спохватывается один. — Надо мне затвердить мою сумму, а то я вчера и не посмотрел на чек.

— Да, Пётр Иванович, тут народ строгий, в копейках ошибёшься — не выдадут денег.

«Завхоз Коротаяев» тоже достаёт свой чек и вызубривает наизусть всю сумму с копейками. Небось, сделаем — комар носу не подточит!

Один за другим мимо ожидающих проходят внутрь банка служащие. В девять часов маленькая очередь начинает возмущаться и стучать. Дверь открывается.

Человек без примет не снимает своих кожаных перчаток. Он делает всё, как другие. Становится в очередь вместе с двумя, которые пришли первыми. Зевает, как и они. Рассматривает стенгазету «Контроль рублём». И вдруг стоящий подле него человек вступает с ним в беседу.

— Вы откуда? — спрашивает он.

— Из Колобановской школы, — лениво отвечает человек без примет.

— Да ну? А я из Бродницкой! Как там у вас Захаров?

— Ничего, слава богу, — лаконично роняет «завхоз Коротаяев».

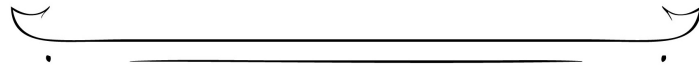
— А ведь говорят, что помирает ...

— Да нет, пока полегчало, не знаем как дальше будет.

— Наверное остатки забираете?

— Они самые.

— Вот и мне в прошлый четверг девять тысяч выдали, а за тремя потом велели приехать. Беда! По два раза гоняют.



Но в это время подходит очередь «Коротаяева». Он молча протягивает девушке за перегородкой своё удостоверение личности (без фотографии) и чек. Вскоре удостоверение отдают обратно, а из всего чека возвращается маленький обрывочек с каким-то номером.

Зачем этот номер? Спрашивать нельзя. Все получают такие же бумажные огрызки, оторванные от чека, теперь нужно подождать. Он выходит вместе с другими в прихожую. Все рассаживаются, закуривают, начинается болтовня, в которой сыплется тысячи, тысячи, десятки тысяч рублей.

«Коротаяев» курит, сосредоточенно глядя на свои сапоги. Глаза его воспалены, горло пересохло. Ни на миг не покидает его какая-то смутная досада: всё время крутится в мозгу и всё время ускользает, словно назойливая муха, тревожное воспоминание о чём-то. Но о чём? Что-то важное и очень опасное. Надо взять себя в руки. Успокоиться. Вспомнить.

Но усталая мысль против воли обращается к более отдалённым воспоминаниям. В густых волнах табачного дыма рисуются перед ним картины детства. Школа, одноклассники, учителя — он читал в то время книжки об индейцах и любил географию; затем дом, пьянство отца, драки. Первые кражи сошли ему с рук, через год он бросил школу и научился пить. Суды, тюрьмы, вагоны с решётками, лесозаготовки ... Амнистия, трудоустройство, встречи со старыми друзьями и нож, приставленный к горлу: «пойдёшь с нами?»

И он пошёл снова «на дело», и закрутилась адская карусель, и теперь за ним есть «мокрые дела», и нет возврата к прошлому, к книжкам про индейцев и географии. И пусть так будет!

Четыре тысячи двести двадцать рублей тридцать пять копеек. Егор Петрович Коротаяев, завхоз Колобановской средней школы, 1928 года рождения. Да, он получает остатки, да, в четверг не выдали сполна...

Дверь из внутреннего помещения открывается, и девушка, держась за дверную ручку, выкликает в настожившуюся прихожую: — Двести десять!

Все отворачиваются, вновь начиная курить и разговаривать. «Завхоз» в тревоге: он чего-то не понял. Что-то важное, но что? Он машинально смотрит на огрызок чека и видит: № 688210.

Это вызывают его, нет сомнений. На всякий случай он встаёт, неторопливо гасит окурок, переступает порог и нерешительно приближается к кассе. Объявление гласит, что вызов производится путём называния трёх последних цифр контрольной марки. Значит, это и есть «контрольная марка».

— Вызывали Колобаново? — небрежно спрашивает он, склоняясь к окошечку кассы.

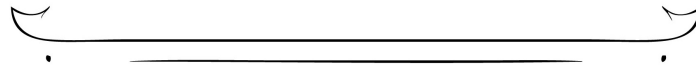
Сухая очкастая кассирша устремляет на него колючий взор. Лишь одну секунду человек без примет принуждён выдерживать этот взор, но за эту секунду его спина покрывается холодным потом.

— Никакого Колобанова я не знаю,— отвечает кассирша, чуть помедлив. — Я вызывала двести десять.

— Шестьсот восемьдесят восемь тысяч двести десять, — с готовностью поддакивает «завхоз».

Кассирша отворачивается и холодно спрашивает сумму.

— Четыре двести двадцать и тридцать пять копеек,— с шиком отчеканивает он.



Женщина отсчитывает деньги. От прикосновения этих гладких и шелковистых бумажек словно электрический ток пронизывает кончики пальцев «завхоза». Стараясь не спешить, он пересчитывает, складывает и прячет деньги. Четыре тысячи — рестораны, музыка, шмары в капроновых чулках, «Свалился, дама пик, налево! Свались хоть в жизни один раз ...» Но четыре тысячи это только начало.

Напряжение сменяется страшным упадком сил. Хочется спать. Но надо угодить. Выходя, он закуривает папиросу. Какая-то чёрная точка в мыслях по-прежнему мучит его. Что-то он забыл, какое-то имя или лицо ...

— Скажите пожалуйста, — бормочет он первому встречному, — где останавливается автобус?

И вместо ответа его хватают за горло.

Задыхаясь, он извивается всем телом. Железные руки выжимают из него жизнь, и в красном тумане, застилающем глаза, маячит озлобленное лицо с чёрными щеками и с белой повязкой на лбу.

Это лицо настоящего Егора Кортаева.

Затем тиски разжимаются. Два милиционера — один знакомый, темноглазый сержант — держат под руки человека без особых примет. Он совершенно обессилел; его обыскивают, отбирают нож, кастет, четыре тысячи рублей и удостоверение личности на имя Кортаева.

Сердце в его груди дрожит мелкой дрожью. Он видит зимнее утро, солнце, село Александровку, толпу людей, двух милиционеров, Кортаева с перевязанной головой и плечистого здоровяка с пышными усами... Вот она, чёрная точка — этот усатый только занёс мешок знакомому и....

